

Артеменко Е.Б. (ВГПУ)

КОНЦЕПТОСФЕРА И ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА: ХАРАКТЕР И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Для современной науки характерно возвращение к пониманию фольклора, которое было свойственно отечественным филологам XIX – начала XX вв. – Н.И. Костомарову, А.А. Потебне, А.Н. Афанасьеву, А.Н. Веселовскому и др. – к признанию его воплощением народного мировосприятия и миропонимания, формой выражения самосознания этноса (Чистов 1986: 20): к фольклору следует подходить «как к определенной системе мировоззрения и народных представлений» (Толстой 1995: 48). Подобная культурная направленность фольклора делала его в эпоху его активного бытования формой, моделирующей системой традиционной народной культуры и соответственно социорегулятивным, социорегламентирующим фактором, служившим делу утверждения и распространения принципов и канонов этой культуры, способствовавшим их внедрению в общественное сознание (Чистов 1986: 56; Роль человеческого фактора... 1988: 15).

В трудах Н.И. Толстого и ученых Тартуской семиотической школы было показано, что своеобразие каждого типа культуры получает выражение в формирующей его концептосферу (картину мира) системе культурных семиотических (символических) смыслов, в которых воплощаются обусловленные историческим опытом народа мировоззренческие основы (Толстой 1995: 168, 291-293; Лотман 1965а; 1965б). Фольклор как форма, моделирующая система традиционной народной культуры воспроизвел континуум традиционных культурных смыслов, подвергнув их семантическому перекодированию

в элементы, концептуальные составляющие устнопоэтической картины мира (Путилов 1994: 118, 122-126). При этом обозначенные концепты объективировались средствами «обслуживающей» фольклор языковой системы. Но языковым единицам присущи собственные значения – собственная лексическая и грамматическая семантика, образующая концептосферу языка – языковую картину мира (отсюда восходящая к В. Гумбольдту идея «языкового мировидения»). А это значит, что концептосфера фольклора – система его культурных смыслов – получала выражение через призму семантики объективировавшего его языка. Воплощаясь в субстанции языка, эти смыслы образовывали в семантической сфере языковых единиц второй, иерархически более высокий символический слой, создавали из них стабильные типизированные концептуальные структуры и тем самым генерировали специфические, собственно фольклорные лингвистические значимости и отношения: в фольклоре «элементы(языка. – Е.А.)почти теряют собственное лексическое значение и приобретают значимость и соответственно новые валентности в пределах некоторой замкнутой, жестким образом организованной системы» (Цивьян 1973: 13).

В связи с этим в исследовании фольклорно-языкового строя на передний план выдвигается лингвокультурологический анализ – изучение названного строя с позиции обусловленности специфики его организации концептосферой фольклора. Такой анализ предполагает разработку типологии устнопоэтических концептов и форм их взаимодействия с языковым материалом. Выскажем по этому поводу некоторые предварительные суждения.

Наблюдения показывают, что в одних, наиболее простых случаях мы имеем дело с символическими

концептами понятийного типа. Такой концепт, наслаиваясь на лексическое значение вербальной единицы, подчинял его себе, отодвигал на второй план. Так, в слове *дом* возобладал семиотический смысл «центр своего мира» (Цивьян. Указ. соч.; Никитина, Кукушкина 2000: 25, 159). Лексема *береза* выступает носителем символического концепта «девушка, молодое женское начало» (Лазутин 1981: 115; Червинский 1989: 6). *Корабль* в свадебном фольклоре – символ перемещения невесты из своего мира в чужой – из родительского дома в дом мужа (Никитина 1993: 67-68). Субстантив *кукушка* – птица, откладывающая яйца в чужие гнезда, – символизирует в народной лирике горькую женскую долю (Лазутин 1981: 115). Со словом *туман* ассоциируется символика печали (Там же: 118). На название (имя) конкретного персонажа волшебной сказки накладывается семиотическая семантика его типизированной сказочной роли: «герой», «даритель», «помощник», «антагонист» и пр. (Пропп 1998: 60-61): Иван царевич, Мартынка, Емеля, Незнайка, Сученко, Покатигорошек, Василиса Прекрасная... – это «герой»; отец, жена героя, мудрые старички, бабушка-задворенка, в некоторых случаях Баба-Яга, Леший, благодарные животные... – «дарители»; дядька Котома, волшебный конь, Шмат разум, Обьедало, Опивало, Вертодуб, Вертогор, куколка... – «помощники» и т. д.

Распространяясь на несколько слов, культурный концепт образовывал специфические вербальные группировки – лексико-семантические парадигмы (Хроленко), ассоциативные комплексы (Никитина). Так, символический смысл «граница между своим и чужим мирами» объединил в общефольклорную парадигму слова *лес, поле, море, камень* (Никитина 1993: 109-110). То же семиотическое противостояние своего и чужого миров нашло в народной лирике выражение в парадигматическом

противопоставлении *дома, двора, сада* как «своих» областей – носителей защитной силы *ельнику, березнику, осиннику*, воплощающим тему чужой стороны (Червинский 1989: 29, 127). *Калина, малина, черная смородина* представляют собой в границах названного жанра триединое обозначение жизни в ее женской ипостаси (Там же: 122). Культурная семантика горя, печали послужила основой формирования песенной парадигмы *осина, сосна, рябина, полынь* (Лазутин 1981: 118). Традиционный концепт «добрый молодец» получил парадигматическое выражение в словах *дуб, хмель, виноград, сокол, соловей, селезень, голубь* (Там же: 115 и след.). Аксиологический мелиоративный смысл («очень хороший, красивый, прекрасный») образовал адъективные парадигмы *золотой, серебряный, позолоченный; белый, алый, лазоревый; калиновый, малиновый* (Хроленко 1992: 52, 87, 91). На основе культурной семантики «чужой», «иностранный», «далекий» сложился парадигматический ряд прилагательных *итальянский, шведский, немецкий, турецкий* (Там же: 36-37; 78-79).

Всем этим порождался тотальный синонимизм фольклорного слова, о котором пишут исследователи, и ряд производных от него характерных особенностей в языковом (речевом) оформлении устнопоэтических текстов. Укажем наиболее очевидные.

1. Культурный семиотический смысл, внедряясь в семантическую сферу слова и подавляя его собственную лексическую семантику, становился фактором, определяющим синтагматические потенции слова – возможности его сочетаемости в тексте с другими словами, и обычно значительно расширял их. Так, прилагательное *белый*, служащее носителем позитивной аксиологической семантики – универсальным знаком положительного, – отмечено в лирической песне как атрибут в сочетании с

существительными: *Ванюшка, детинка, парень, двор, дожди, бережок, озеро, рыба, птица, пчела, рожь, горошек, листочки, дрожжи, ковры, полог, перстень, гребешок...* и даже *румяна* (Там же: 45); например:

Не шути, *белый детинка*, мне теперь не время
(Соболевский IV, № 376).

Станови добра коня
Среди *бела двора*
(Соболевский IV, № 579).

Пашенька не пахана, *бела рожь* не сеяна
(Киреевский, № 1514).

Ковры белые разостланы
(Пенза, № 53).

Что ходил-то, гулял, добрый молодец, да вдоль по лужку,

Что по крутому по *белому бережку*
(Соболевский VI, № 204).

Белый перстень на руке, ладо-люли на руке
(Курск, № 22).

Сведу козла на базар,
Променяю на товар –
На *белые румяна*.

(Пермь, № 196) (Песенные примеры здесь и далее из: (Хроленко 1992: 45-46)).

Складывавшиеся при этом вербальные сочетания, не соответствовавшие общеязыковым синтагматическим нормам, традиционно именовались в фольклористике

алогизмами. И лишь в конце XX в., после того как были выявлены научные основы этой «алогичности», А.Т. Хроленко использовал для их обозначения термин *квазиалогизмы*, более соответствующий их онтологической природе.

2. Другой характерной чертой фольклорной синтагматики стал феномен текстовой реализации формируемой семиотическим смыслом фольклорной парадигмы или ее части; например:

Посылает меня мачеха
Да во сырой бор по ягодки,
Что по *калину*, по *малину*,
Да по *черную смородину*
(Соболевский II, № 6).

Прилетал вот ясный *сокол*,
Ясный *сокол* – *соловьешко*
(Прибалтика, № 274).

Под *белым* шатром под *лазоровым*
Спит, почивает добрый молодец
(Киреевский, № 596).

Снаряжу я коня в *золоту* узду,
В *золоту*,
В *золоту* узду, *серебряную*,
В *серебряну*,
В *серебряну*, *спозолоченную*
(Карельское Поморье, № 67).

Во поход пошел в *ины* земли,
В *ины* земли, в *Турецкие*,
В *Турецкие*, во *Шведские*
(Киреевский, № 1652).

Текстовая синтагматическая реализация членов устнопоэтической парадигмы также послужила причиной появления квазиалогизмов.

3. Смысловая символическая эквивалентность слов – членов одной парадигмы создавала возможность их взаимозаменяемости в вариантах одного произведения:

Как, *рябина*, как *рябина* кудрявая,
Как тебе не стошнится,
Во сыром бору стоячи,
На болотинку гляючи?
(Соболевский III, № 139).

Сосенка, сосёнушка,
Зеленая, кудрявая!
Как тебе не стошнится,
Во сыром бору стоячи
(Соболевский III, № 140)

Более сложный характер свойствен комплексным культурным концептам (в когнитологии такие концепты квалифицируются как фреймы и сценарии – см., например: (Попова, Стернин 2001: 73-74)). Это текстообразующие и композиционно-сюжетные модели. Первые представляют собой ментальные «портреты» типизированных устнопоэтических ситуаций – лирической ситуации в народной песне, ситуации дороги и акциональной ситуации в былинном эпосе (Артеменко 1993; 2001; 2004; Черванева, Артеменко 2004: 143-169). Каждая текстообразующая модель как комплексный концепт структурируется системой звеньев – смыслов иерархически более низкого ранга, представляющих типические стороны, детали манифестируемой стереотипной ситуации. Типизированный характер звеньев

способствовал формированию в их границах формульных оборотов (см. ниже).

Воссоздавая устнопоэтический текст, народный мастер отбирает из модели содержательно необходимые по ходу исполнения звенья и, оснащая их соответствующим лексическим (по преимуществу формульно-стереотипным) материалом, формирует текстообразующий блок. Приоритетная роль концептуального начала проявляется при этом в определяющем воздействии на организацию вербального материала содержательной структуры модели. В процессе продуцирования текста, развертывания сюжетной линии модель реализуется обычно несколько раз.

В качестве примера приведем модель типизированной ситуации «Акция былинного богатыря» (акциональную модель). Она включает в себя десять звеньев. Два из них обозначают содержательно основное, сюжетообразующее действие и его результат; остальные восемь выполняют вспомогательную роль, характеризуя акциональную доминанту со стороны способа и факторов ее реализации. Они обозначают: а) орудие действия; б) способ использования орудия; в) способ подготовки действия; г) положение субъекта или объекта действия в пространстве; д) физический контакт с объектом; е) состояние субъекта (эмоциональное или интеллектуальное); ж) восприятие объекта; з) свойство субъекта, объекта или орудия. А вот как модель реализуется в текстообразующих блоках:

А тут старый-от казак да Илья Муромец

Опустился ён да со добра коня,

Положение в протр.

Брал свой тугой лук разрывчатой в белы' ручки,
Орудие

Натянул тетивочку шелковеньку,

Способ исполз. орудия

Наложил он стрелочку каленую,
И он спускал ту стрелочку во бел шатёр...
Действие

Пала она стрелка на белы груди
Результат

Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу...
Сделала она да сцапинку-то маленьку
(Гильфердинг II, № 75).

Как смотрит тут Добрынюшка Микитиниц,
Восприятие

Как ино тут стоит шатёр белополётняной,
Как у шатра замок был булатнии,
На замку тут подпись подписана:
«Кто во шатёр еще сюды заходит,
Тот из шатра жив да не вы'ходит».

Как розгорелось ёго сердце богатырское,
Эмоц. состояние
Ударил кулаком по замку-то он,
Действие

Отпал замок ведь тут на сыру землю
Результат
(Гильфердинг I, № 49).

Этот оратай ора'таюшко'
Он подъехал на кобылке соловенькой
Положение в простр.

А ко этой ко сошке кленовенькой,
Брал эту сошку одно'й ручкой,
Контакт

Сошку с земельки повыдернул,
Подготовка

Из омешиков земельку повытряхнул,

Бросил сошку за ракитов куст
Действие

(Гильфердинг II, № 73).

Образцом комплексного концепта, моделирующего композиционно-сюжетную структуру устнопоэтических произведений, является система функций (типизированных акций) В.Я. Проппа, образующих композиционный каркас волшебной сказки (Пропп 1998: 23-51).

И наконец, наблюдения обнаруживают в системе культурных смыслов фольклора концептуальные образования функциональной природы. Речь идет о функциональной специализации языковых средств – об использовании языкового явления в соответствии с отведенной ему типизированной ролью в типизированной содержательной структуре произведений определенного класса жанров, жанра, жанровой разновидности народной словесности. В этом случае на общеязыковую функцию такого явления накладывается, определенным образом дополняя и модифицируя ее, функция, выполняемая им в фольклорном тексте. Ярким примером концепта функционального типа служит использование прямой речи действующих лиц эпических жанров в роли сюжетообразующего фактора. Имеется в виду сюжетно-прогностическая функция прямой речи (а в ее составе прежде всего форм глагольного императива) как типизированного средства стимулирования и прогнозирования поступков и акций персонажа, претворяемых далее в элементы сюжетно-повествовательного плана; прямые высказывания действующих лиц выполняют в этом случае роль «интеллектуальных узлов», обуславливающих и направляющих развитие сказочного и былинного сюжета (о былине в этом аспекте см.: (Артеменко 1998: 69)).

Так, адресованный Добрыне приказ князя Владимира освободить его племянницу из плена у похитившей ее змеи:

– ...А й ты съезди-тко во далече во чисто поле,
Ко тым славным ко горам ко сорочинским,
Да сходи-тко ты во норы во змеинья,
Отыщи-тко племничку любимую
А прекрасную Забавушку Путятичну,
Привези-тко мне в полаты в белокаменны,
Да подай-ко ты Забаву во белы руки
[Гильфердинг II, № 79)

– это программа действий, претворяемая в сюжетную линию былины – борьбу Добрыни со змеей и освобождение Забавы и многих других пленников («полонóв расейских»).

Та же сюжетно-прогностическая функция отмечается исследователями у прямой речи и в сказочном жанре. Д.Н. Медриш, рассмотревший данное явление на материале волшебной сказки, назвал его «принципом единства сказанного и сделанного» (Медриш 1974: 121). При этом характерной чертой речевой реализации указанного принципа в устнопоэтическом эпосе – и в сказке, и в былине – является вербальное тождество прямой речи и ее событийной манифестации при различии их модальных планов: содержание предписания, совета, представленное в речи персонажа в форме глагольного императива, воспроизводится далее по ходу повествования в том же лексическом выражении в форме индикатива («неформульный повтор «слово – действие», по определению И.А. Разумовой (1991: 46)). Иллюстрируем данное положение примером из былинного эпоса:

...Говорил король-от таковы слова:

- Ай жо вы мои да слуги верныи!

Да й подите-тко вы на мой на широк на двор...

Да пришли богатыря к нам святорусьский.
Вы берите-тко за ручушки за белые,
Да й за них-то перстни за злаченые,
Да й ведите-тко в рехтели в королевский,
Да й во славные в полаты белокаменны,
Да й садите их за столики дубовые,
Да й за тые за скамеечки окольнии,
Вы кормите-ко их ествушкой сахарною,
То вы пойте-ко их питьицем медвяным,
Да й дарите-тко им дары драгоценны.

Шли туды ёго да слуги верныи,
А й на славной шли оны широкой двор,
Оны брали их за ручушки за белые,
То за них-то перстни за злаченые,
То вели оны в рехтели в королевский,
Да й во славные в полаты белокаменны,
А й садили их за столички дубовые,
Да за тья за скамеечки окольнии,
А й кормили-то их ествушкой сахарною,
Да й поили-то их питьицем медвяным,
Да й дарили дары драгоценны

(Гильфердинг II, № 86).

Таким образом, осложнение прямой речи концептом функционального типа сделало ее элементом механизма типизированного развития эпического сюжета и способствовало сообщению этому механизму типизированной речевой формы.

До сих пор речь шла о модифицирующем влиянии культурных символических концептов на элементы «обслуживающей» фольклор языковой системы. Однако обозначенное влияние осуществлялось здесь и в иной форме – не только путем «приспособления» уже существующих в языке средств к потребностям

реализации устнопоэтической концептосферы, но и путем создания для объективации ее компонентов особых, собственно фольклорных языковых образований – так называемых формул.

К идее концептуальной «заданности» устнопоэтических формул наука пришла не сразу. Традиционно формульным стереотипам приписывалась стилистическая и мнемотехническая функции – они рассматривались, а во многом рассматриваются и сейчас как средство создания, показатели, маркеры «высокого стиля» фольклора и как явление, облегчающее в условиях его устного бытования вербальную организацию текстов. Между тем оказалось, что стабильность формулы как признак ее стилистической отмеченности и основа ее мнемотехнического использования зиждется на более глубоком фундаменте – на том, что формульные стереотипы служат в фольклоре языковым субстратом, материальной оболочкой культурных символических концептов: «Формула – это комплекс традиционных смыслов, имеющий свое имя собственное» (Мальцев 1981: 23).

Высокая этическая и аксиологическая значимость традиционных культурных канонов, воплощавших в себе мировоззренческие принципы и ориентиры народа, и в силу этого необходимость постоянного обращения к ним обусловили непреходящую ценность и актуальность их формульных манифестаций и соответственно широкую воспроизводимость, повторяемость в фольклорных текстах: «Формулен, каноничен именно традиционный смысл, а постоянство формы – следствие этого» (Там же: 19). Отсюда и стилистическое (эстетическое) качество устнопоэтических стереотипов, и их мнемотехнический потенциал.

Все это делает наиболее соответствующим сущностной природе формульных образований, а поэтому и наиболее

актуальным и результативным их анализ с культурно-семиотических позиций (*Думается, что недостаточное внимание к культурно-семиотической нагруженности формул как их онтологическому свойству служит причиной неопределенности их лингвистического статуса. Неоднократно предпринимавшиеся попытки отнесения их к фразеологической сфере языка не получили широкой поддержки – и не только потому, что в этом случае обозначенная сфера может утратить четкие очертания (см., например: (Савинкова 1997)).* В частности, подход к формулам с указанных позиций открывает перед исследователями перспективу изучения их системных отношений и соответственно их места в структуре устнопоэтического текста, а также в определенной мере условий их формирования. В этом аспекте плодотворным оказывается анализ формульных оборотов в соотношении со структурой комплексного концепта. Наблюдения показывают, что обозначенные концепты явились фактором формирования определенной части формульных оборотов: типизированный характер семиотической семантики звеньев названных концептов стимулировал образование в их пределах стереотипов языковой / речевой формы как стабильного средства выражения данной семантики. При этом комплексные концепты, продуцируя как модели типизированных устнопоэтических ситуаций различные варианты последних, обусловили этим становление у складывавшихся в их пределах формульных образований особого свойства – их «рассредоточенного» характера.

Формульный оборот «рассредоточенного» типа представляет собой структуру, выражающую семантику соответствующего звена концепта путем обозначения типизированного действия персонажа относительно группы функционально однородных предметов.

Типизированные компоненты такой клишированной структуры получают выражение в ограниченных наборах глаголов и субстантивов, находящихся в отношении достаточно свободной корреляции. Формула реализуется в тексте путем отбора из закрепленного за звеном набора вербальных единиц глагольного и субстантивного элементов, ориентированных на содержание воссоздаваемой ситуации, и их сочетания. Иллюстрируем приведенные положения примером формульной реализации звена «орудие действия» охарактеризованного выше комплексного концепта (текстообразующей модели) «Акция былинного богатыря». Его глагольную основу составляет группа лексем с общим значением «принимать в руки, схватывать, извлекать»: *брать, взять, взимать, хватить, схватить, ухватить, вынимать, выхватить, выдернуть* и под. Группу сочетающихся с ними субстантивов образуют номинации предметов, которые служат орудиями совершаемых былинными персонажами акций. В соответствии с этим анализируемое звено получило «рассредоточенное» стереотипизированное выражение в вариантах формульного образования *берет (брал, взял)* булатный нож, ножище кинжалище, саблю вострую, вострый меч, тугой лук разрывчатый, копье бурзомецкое, орудию богатырскую, топоры дроворубные, рогатину звериную, плеточку шелковую; *взимала* молот три пуда, трубоньку подзорную, *взимали* лопаты железные; *хватил* прутья, клещи железные, *схватил* тележну ось, *ухватил* палицу богатырскую, колпак земли греческой; *вынимал (выдернул)* шалыгу подорожную, гусельшки яровчаты, *снимает* шелом с буйной главы и т. д.; например:

А й тут-то калика перехожая, *А ухватил он ножищю кинжалищю*, Да кидал он в татарина поганого А тем ли

ножищом кинжалищем; Пролетел ножищо кинжалищо татарина наскрозь(III: № 196);

Да тут Добрынюшка Микитиниц *А ухватил он свою палицу еще богатырскую*, Как начали тут драться оны ратиться(I: № 49);

Ай ще старья казак да Илья Муромец <...> *И берет он плётку шелкову в белы' руки*, А он бьет коня да по крутым ребрам(II: № 75);

Брали топоры дроворубные, строили судёнышко дубовое (II: № 91);

Как скоро взымали лопаты железныи <...> Розрыли как оны тут жолты пески, Ажно там оны да обы' живы (I: № 52).

Формульный характер оборота «рассредоточенного» типа определяется ограниченностью количества образующих его глагольных и именных лексем и соответственно ограниченным объемом инвентаря создаваемых из них вариантов формульного стереотипа, что в свою очередь обуславливается ограниченным характером картины мира соответствующего жанра и единством его образной системы.

Все это показывает, что комплексные концепты служили «питательной средой» для формирования формульных оборотов.

Генетическая связь определенной части формул со структурой комплексных концептов определяющим образом сказывается на их отношении с устнопоэтическим текстом: употребление формулы детерминируется в этом случае

актом текстовой реализации концепта, а ее позиция в тексте определяется положением выражаемого ею смысла в системе типизированных смыслов (звеньев) концепта (былинный богатырь сначала берет оружие, затем приводит его в боевое состояние и лишь после этого совершает

сюжетно значимое действие). Иными словами, формула, сложившаяся и функционирующая в качестве плана выражения звена комплексного концепта, соотносится с текстом через структуру этого концепта.

Формульная репрезентация звеньев концепта способствовала установлению между формулами в его составе устойчивых парадигматических и синтагматических отношений, образованию их стабильных парадигматических рядов и типизированных синтагматических последовательностей. Это создавало условия для формирования на базе комплексного концепта распространенных формульных образований – общих / типических мест (*loci communi*) и соответственно для приобретения планом выражения концепта или его частью признаков формульного стереотипа – трансформации его в типическое место. Можно думать, что таким путем на основе концепта «Акция былинного богатыря» сложилось типическое место «Стрельба из лука» (см. выше пример (Гильфердинг II, № 75)).

Сходные тенденции использования формул в той или иной степени свойственны и волшебной сказке (см. образцы формульных реализаций некоторых сказочных функций, например функции «Герою предлагается трудная задача», у В.Я. Проппа (1998: 47-48)) с той разницей, что здесь формульные обороты выступают средством вербализации звеньев комплексного концепта не текстообразующего, а композиционно-сюжетного типа.

Примеры влияния концептосферы фольклора на его языковой строй можно умножать и умножать. Но уже приведенного материала достаточно для того, чтобы признать, что указанное влияние осуществлялось в весьма широких масштабах и сказалось не на отдельных языковых элементах, но самым существенным образом

реорганизовало используемую фольклором языковую систему, организовало ее характерным для него образом. Это делает лингвокультурологический анализ необходимым и на данном этапе развития науки приоритетным условием и направлением работы по изучению языковых основ народной словесности. И в этом направлении предстоит сделать еще очень много.

Литература:

1. Гильфердинг I, II – Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949. Т. I; М.; Л., 1950. Т. II.; М.; Л., 1951, Т.Ш.
2. Карельское Поморье – Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971.
3. Киреевский – Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1; М., 1917. Вып. 2, ч. 1.
4. Курск – Курские народные песни. Курск, 1962.
5. Пенза – Мартыненко О.П. Фольклор Пензенской области. Рязань, 1977.
6. Пермь – Лирические народные песни. Пермь, 1962.
7. Прибалтика – Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976.
8. Соболевский II, III, IV, VI – Великорусские народные песни. В 7 т. Изданы А.И. Соболевским. СПб., 1895 – 1902.
9. Артеменко 1993 – Артеменко Е.Б. Принципы организации народнопесенных текстов: былинное текстообразование // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 3. С. 57-68.
10. Артеменко 1998 – Артеменко Е.Б. Композиционно-речевая организация былинного текста // Фольклор. Комплексная текстология. М., 1998. С. 52-73.
11. Артеменко 2001 – Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 2. С. 11-17.
12. Артеменко 2004 – Артеменко Е.Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества // Этнопоэтика и традиция. М., 2004. С. 57-67.

13. Лазутин 1981 – Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. М., 1981.
14. Лотман 1965а – Лотман Ю.М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 181. Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965.
15. Лотман 1965б – Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 181. Труды по знаковым системам. III. Тарту, 1965.
16. Мальцев 1981 – Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной лирики // Русский фольклор. Л., 1981. Т. XXI. Поэтика русского фольклора. С. 13-37.
17. Медриш 1974 – Медриш Д.Н. Слово и событие в русской волшебной сказке // Русский фольклор. Л., 1974. Т. XIV. Проблемы художественной формы. С. 119-131.
18. Никитина 1993 – Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
19. Никитина, Кукушкина 2000 – Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах. М., 2000.
20. Попова, Стернин 2001 – Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
21. Пропп 1998 – Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
22. Путилов 1994 – Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
23. Разумова 1991 – Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск, 1991.
24. Роль человеческого фактора... 1988 – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
25. Савенкова 1997 – Савенкова Л.Б. Пословица, поговорка и поговорка как термины филологии // Филологический вестник Ростовск. гос. ун-та. 1997. №1. С. 36-43.
26. Толстой 1995 – Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
27. Хроленко 1992 – Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.
28. Цивьян 1973 – Цивьян Т.В. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.

29. Черванева, Артеменко 2004 – Черванева В.А., Артеменко Е.Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (На материале эпических жанров). Воронеж, 2004.
30. Червинский 1989 – Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции. Ростовск. гос. ун-т, 1989.
31. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986.